

Е. Н. Молодыхенко E. N. Molodychenko

Санкт-Петербург, Россия Saint-Petersburg, Russia

**РИТОРИКА ПРЕВОСХОДСТВА:
АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА
(БАРАК ОБАМА О КРЫМСКОМ КРИЗИСЕ)**

Аннотация. Статья написана в русле дискурс-аналитического подхода к рассмотрению обусловленности языковых структур ценностными ориентациями, а именно к рассмотрению роли ценностей в текстовом моделировании конфликта и отчуждении определенной группы акторов. В процессе вербализации конфликта ценности фигурируют двояко: в структурировании поля конфликта и в плане доминирования ценностной позиции автора и стоящей за ним группы «своих». При текстовом структурировании поля конфликта противопоставленные полюса наполняются содержанием через актуализацию ценностей и антиценностей. В разрезе доминирования авторской позиции «чужие» безапелляционно репрезентированы через призму «своей» ценностной позиции; любое потенциальное пространство других мнений и ценностей отсекается.

Ключевые слова: ценность; анализ текста; анализ дискурса; политический дискурс; тенденциозность; «свои» vs. «чужие».

Сведения об авторе: Молодыхенко Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, доцент.

Место работы: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Контактная информация: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.
e-mail: e.molodychenko@gmail.com.

**VALUES AND 'SUPERIORITY' RHETORIC:
THE EXAMPLE OF BARACK OBAMA'S
SPEECH ON 2014 CRIMEA CRISIS**

Abstract. This article shows how critical discourse analysis can contribute to the study of values as represented in text and talk. More specifically it looks into the role of values in discursive conflict frame manifestation and out-casting a certain group of actors. The role of values is seen as twofold: as a building block of conflict field and in terms of domination of the axiological position of the author and those supporting him towards that field. The opposing poles of the conflict field are shown to be semantically built up of values and anti-values. In terms of domination of the author's position "the alien" are represented in a peremptory manner through the prism of their "own" position, all other possible value positions, including that of the opposed group, being 'muted'.

Key words: values; discourse analysis; political discourse; rhetoric; biased; 'Us' vs. 'Them'.

About the author: Molodychenko Evgeni Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor.

Place of employment: National Research University "Higher School of Economics" (HSE).

В социальной практике, называемой политикой, основное действие, как известно, имеет дискурсивный характер, т. е. реализуется в речевой деятельности политических акторов. В лингвистически ориентированных концепциях политическая коммуникация может рассматриваться в нескольких ракурсах, которые в общем виде сводятся к изучению обусловленности языковых структур прагматическим аспектом коммуникации.

В дискурс-аналитической традиции политические тексты принято связывать с «перераспределением» и реинтерпретацией социальной реальности. Такая позиция основана на представлении о дискурсе как о трансляторе некоторого видения мира, закрепленного во множестве текстов, соотносимых с определенной областью человеческого опыта. Исходя из представления о политике как о виде коллективной деятельности, ориентированной на перераспределение влияния в контексте властных отношений, ее языковой коррелят — политический дискурс — следует рассматривать как «порядок дискурса», т. е.

пространство, где множество различных дискурсов «сражаются» за право утвердить свою интерпретацию реальности (ср. также: [Чернявская 2012, 2014б]).

В этой связи политическая риторика видится мощным инструментом, позволяющим реплицировать дискурс стоящей за ним властной группы. Именно в области политической риторики первостепенно важным становится лингвистическое оформление сообщения, призванное оптимальным образом решить обозначенную выше задачу. Как комплексный и многоуровневый продукт, текст позволяет решать эту задачу весьма разнообразно, с использованием богатейшего арсенала языковых/риторических средств. Этим отчасти обусловлена множественность плоскостей изучения политической риторики как инструмента тиражирования влияния — с точки зрения традиционной риторики, в терминах теории речевого воздействия, вариативной интерпретации действительности, с точки зрения выявления попыток манипуляции общественным сознанием и т. п.

В данном исследовании мы предлагаем один из возможных ракурсов изучения политической риторики, который в целом переключается со всеми обозначенными выше традициями. Данный ракурс представляет собой изучение политической риторики в аксиологическом аспекте, а именно с точки зрения того, какую роль играют ценностные ориентации в репликации своего «видения мира» доминантным дискурсом. В качестве материала исследования выбрана речь американского президента Б. Обамы от 26 марта 2014 г., опубликованная на сайте газеты «Вашингтон пост», посвященная актуальному на сегодняшний день конфликту США и России.

Мы исходим из гипотезы о том, что одним из базовых механизмов реализации «риторики превосходства» (как репликации стоящего за ней дискурса доминантой группы) является «захват» этим дискурсом общественно значимых смыслов. Под общественно значимыми смыслами мы понимаем явления, традиционно именуемые термином «ценности».

Следует отметить, что понятие «ценность» достаточно неоднозначно, и его интерпретации могут быть различными. Понятие ценности развивалось прежде всего в философии, где его возведение в ранг философской категории принято связывать с именем Г. Лотце, определившего ценность через представления о том, что быть должно, т. е. через отношение к миру должного [Лингвистика и аксиология 2011: 27]. Как указывает Е. Ф. Серебренникова, в общем смысле ценности можно понимать как то, «что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно *стремиться*, созерцать, относиться с уважением или наоборот». Ценности, понимаемые в таком ключе, «*суть обобщения цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм или идеальных достижений*» [Там же: 27] (курсив в оригинале. — Е. М.).

Как «идеальную модель какого-либо явления» определяет ценность в рамках исторической аксиологии культуры И. И. Докучаев. При этом автор указывает, что идеальность представляет собой *набор требований* к данному явлению, которое, следовательно, необходимо либо *изменить*, либо *оценить* в соответствии с этой моделью (Докучаев 2009: 20).

Несколько в ином ключе представлено определение ценности в рамках концепции психологии личности Д. А. Леонтьева. По Д. А. Леонтьеву, ценности представляют собой смысловые образования высшего ранга. При этом смысл трактуется автором как отношение между субъектом и объектом или

явлением реальности, которое определяется местом объекта или явления в жизни субъекта, выделяет этот объект или явление в образе мира и воплощается в личностных структурах, оказывающих регулирующее воздействие на поведение субъекта по отношению к данному объекту или явлению. Такие личностные структуры, называемые смысловыми структурами, представляют собой квазиобъекты, замещающие в структуре личности ее действительные жизненные отношения [Леонтьев 2007].

Смысловые структуры образуют систему смысловой регуляции по принципу иерархии, в которой *высшую ступень занимают личностные ценности*. При этом личностные ценности по своему функциональному месту и роли в структуре мотивации относятся к внеситуативным образованиям, характеризующимся устойчивостью и обобщенностью. Ценности также обладают высокой степенью стабильности: изменение в их системе, как отмечает Д. А. Леонтьев, представляет чрезвычайно кризисное событие в жизни личности [Там же: 225].

В психологических концепциях ценности часто относят к формам или разновидностям потребностей, поскольку последние также характеризуются транситуативностью и устойчивостью и оказывают на конкретную деятельность мотивирующее воздействие. Д. А. Леонтьев, однако, предлагает развести эти понятия. Потребности, как отмечает автор, «представляют собой форму непосредственных жизненных отношений индивида с миром. Они действуют „здесь-и-теперь“, отражая текущее состояние этих динамичных и постоянно меняющихся отношений» [Там же: 226]. Личностные ценности определяются как «„консервированные“ отношения с миром, *обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы*». Они интегрируются в структуру личности и в последующем функционировании практически не зависят от ситуативных факторов [Там же: 226] (курсив наш. — Е. М.).

Еще одна важная характеристика ценностей заключается в том, что субъективно ценности воспринимаются как идеалы — «конечные ориентиры желательного состояния дел». При этом, в отличие от потребностей, которые переживаются как воплощение индивидуального желания субъекта, ценности переживаются как воплощение некоего *идеального состояния в общечеловеческом смысле* [Там же: 227].

В контексте наших рассуждений следует акцентировать два момента из приведенного выше. Во-первых, принципиально важным является понимание ценностей как прежде

всего *социальных смыслов*, связанных с некоторым представлением об общем благе и идеальном порядке вещей. И во-вторых, необходимо отметить связь ценностей с поведением, т. е. их способность выступать в мотивообразующей функции для конкретного индивида и, соответственно, группы людей.

Исходя из представления о языковой системе как инструменте фиксации любых возможных смыслов, «добытых» человеком в процессе освоения мира (ср. функцию «материализации идеального мира» [Колшанский 2010]), ценностные смыслы должны быть зафиксированы в языке в виде некоторых «конвенционализированных знаковых образований» [Лингвистика и аксиология 2011: 18]. С другой стороны, исходя из второй базовой функции языковой системы, а именно коммуникативной, ценностные смыслы должны допускать возможность трансляции через многообразие языковых средств в виде текстов, «определяемых на когнитивно-дискурсивном уровне оценочным отношением участников общения к предмету речи» [Там же: 18].

К конвенциональным знаковым образованиям можно, в частности, отнести так называемые «ключевые слова» ценностного архива лингвокультуры — слова, закрепляющие в своей номинации определенные ценности и антиценности [Там же: 45]. Соответственно в аксиологическом разрезе такие текстовые/дискурсивные стратегии, как «захват понятий» и «захват ключевых слов» [См.: Чернявская 2006: 54], можно реинтерпретировать как «присвоение ценностей» доминантной группой, стоящей за определенным дискурсом. Такое присвоение ценностей одновременно будет вести к «маргинализации» оппозиционной группы акторов, «не имеющей право» на эти ценностные смыслы (ср. иллюстрацию этого положения: [Lazar, Lazar 2004]).

В более общем смысле следует предположить, что любой дискурс, понимаемый как артикуляция элементов, транслирующая некоторое видение мира, будет транслировать это видение не беспристрастно, но с точки зрения обобщенных представлений об идеальном порядке вещей для стоящих за дискурсом акторов. Такое представление будет зафиксировано, часто косвенным образом, в системе используемых в конкретном тексте языковых средств. Допуская возможность актуализации ценностного содержания *любыми* языковыми средствами, предположим, что главную роль в этом процессе будут играть средства языковой оценки.

Существует несколько подходов к рассмотрению выражения оценки в языковых/

речевых структурах. Е. М. Вольф рассматривает оценку как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. При этом оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не его отдельными компонентами. Модальная рамка высказывания реализует его прагматический аспект, однако она непосредственно связана и с семантикой оценочной структуры и «образует с ней амальгамированные конструкции, где прагматический и семантический факторы не всегда легко разделить» [Вольф 2014: 12—13]. Отметим некоторые, на наш взгляд важные, положения теории языковой оценки, позволяющие функционально соотносить данную систему с выражением ценностной позиции.

Главными элементами оценочной модальной рамки, по мнению Е. М. Вольф, являются ее субъект и объект, связанные оценочным предикатом. В естественном языке оценочный предикат может быть представлен как словами, так и семантикой высказывания в целом. В модальную рамку оценки также входят шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих. Данные элементы, в отличие от объекта и субъекта оценки, в большинстве случаев в поверхностной структуре текста никак не выражены [Там же: 12].

Аспект оценки определяет тот признак предмета, по которому он будет оцениваться в его сравнении с другими предметами, входящими в класс, предполагающий тот же самый аспект оценки. При этом объекты, входящие в класс, предполагающий некоторый общий для них аспект оценки, будут выстраиваться по шкале оценок. Иными словами, оценке *имманентно свойственна градуируемость*. Еще одной важной характеристикой оценочной шкалы является ее ориентация на оценочный стереотип. Оценочный стереотип будет представлять собой некоторый «идеальный» объект с его признаками в рамках класса объектов, предполагающих один аспект оценки. Именно в соотношении с этим «идеальным» объектом остальные объекты того же класса будут выстраиваться по шкале оценочности.

Для демонстрации связи языковой системы оценочности с ценностями и смысловым «миром» индивида вообще вновь обратимся к психологии смысла Д. А. Леонтьева. Нетрудно заметить определенные параллели между системой оценки в языке/речи и одной из смысловых структур личности — смысловым конструктом.

Смысловые конструкты трактуются как категориальные шкалы, составляющие часть

образа мира индивида. Данные категориальные шкалы используются индивидом для выделения значимых для него признаков объектов, которые становятся основанием для оценки этих объектов [Леонтьев 2007: 217]. Далее, категориальные шкалы бывают двух видов — так называемые предметные, которые описывают объекты на основании их собственных признаков или ассоциирующихся признаков других объектов (ср. «дескриптивное содержание»), и смысловые, которые описывают объекты в терминах их смысла для данного субъекта (ср. «оценочное/аффективное содержание»). Интересны также замечания автора о случаях «склеивания» оценочных и смысловых конструктов, когда «предметный конструкт становится носителем не только гностической, но и смысловой оценки: оценка по предметному (гностическому основанию) уже несет в себе характеристику личностного смысла объектов и явлений» (ср. сложность дифференциации дескриптивного и оценочного содержания) [Там же: 221].

Связь смысловых конструктов с ценностями обусловлена тем фактом, что один из полюсов оценочной шкалы определяется либо «моделью потребного будущего» (т. е. проистекает из потребностей), либо «моделью должного», вытекающей из системы интериоризированных личностью ценностей. При этом, как отмечает Д. А. Леонтьев, эти два типа конструктов не различаются по характеру своего функционирования в структуре регуляции жизнедеятельности [Там же: 219].

Несмотря на этот факт, представляется возможной аналитическая дифференциация потребностей и ценностей для целей текстового анализа. Во-первых, потребности как более «замкнутые на индивидуальный мир» личности структуры будут, как представляется, в меньшей степени актуализироваться в текстах — социально ориентированных продуктах — вообще, тем более в текстах явно апеллятивной природы. Такие тексты как продукты определенного дискурса и стоящей за ним группы акторов выражают некоторую ценностную позицию — представление о разделяемом группой порядке вещей и общем для членов группы благе. Во-вторых, в системе средств языковой оценки можно выделить определенные пласты лингвистических единиц, функциональная семантика которых обусловлена представлениями о нормах и идеалах, разделяемыми сообществом (см. ниже). Такие средства, по-видимому, будут в наибольшей степени указывать на актуализацию ценностной позиции.

Поскольку, как отмечает Е. Ф. Серебренникова, «в речи имеет место не само формулирование ценности как таковой, но выражение убежденностей или верований говорящего на основе его ценностно мотивированного отношения», методология аксиологически ориентированного анализа предполагает работу с комплексной системой языковых средств текстового целого. При этом мы исходим из положения о том, что методы текстового анализа позволяют в определенной мере реконструировать/смоделировать рецептивную программу, заложенную автором в текст, а в частности, его ценностную позицию, предопределившую именно такую стратегию развертывания языковых (оценочных) средств. В качестве теоретической и методологической основы анализа в рамках критического дискурс-анализа, как правило, используется функциональная грамматика М. А. К. Хэллидея (Systemic Functional Linguistics — SFL) [Halliday, Matthiessen 2004].

Принципиально важными положениями в теории М. А. К. Хэллидея представляются следующие. Исходя из двух базовых функций языка — «истолкования» опыта (constitutive of experience) и реализации социальных процессов (enactment of social processes) — М. А. К. Хэллидей также выделяет три метафункции: идеационную (ideational), межличностную (interpersonal) и текстовую (textual). Все три метафункции реализуются одновременно в базовой грамматической единице — предикации (the clause).

Идеационная функция связана с материализацией и закреплением в лексико-грамматических структурах познаваемого человеком окружающего мира. С точки зрения реализации идеационной функции предикация представляет собой «квант изменения» (quantum of change), т. е. конфигурацию разворачивающихся во времени процессов, актантов, тем или иным образом вовлеченных в данный процесс, а также (факультативно) обстоятельств, сопутствующих развертыванию процесса. В таком виде предикация является способом упорядочивания континуального потока событий. Грамматическая система, используемая для реализации этой метафункции, — система транзитивности (transitivity) [Там же: 170]. Система транзитивности «расчленяет» континуальный мир опыта на обозримое множество типов процессов. Каждый тип процесса предполагает свою модель для упорядочивания определенной сферы опыта и преобразования ее в грамматическую фигуру определенного рода.

Текстовая функция связана прежде всего с темо-рематическим членением предло-

жения. В разрезе текстовой функции предикация рассматривается как «сообщение» (clause as message). Межличностная метафункция, реализуемая в предикации, связана с рассмотрением предикации как единицы «диалога» (clause as exchange). Основной грамматической системой в рамках межличностной метафункции является система наклонения (mood).

Система языковой оценки, таким образом, реализуется в рамках межличностной метафункции. Именно так она описана в теории языковой оценки Дж. Мартина и П. Уайта (the language of evaluation) [Martin, White 2005]. Система языковой оценки, по Мартину и Уайту, интерпретируется как разворачивающаяся в рамках межличностной метафункции и «накладывающаяся» на идеационное содержание (ср. трактовку оценки как модальной рамки, накладывающейся на дескриптивное содержание, по Е. М. Вольф [Вольф 2014]). Далее, оценочное содержание относится к семантике текста (discourse semantics; ср. также термин “realisation of attitude tends to splash across a phase of discourse” [Martin, White 2005: 10]) и реализуется широким спектром лексикограмматических средств в трех взаимодействующих плоскостях — оценочной установке (attitude), включении (engagement) и градуировании (graduation).

Понятие «оценочная установка», в свою очередь, подразделяется на три функционально-семантические области: аффект (affect), суждение (judgement) и аппрециация (appreciation). Термином «аффект» описываются репрезентации эмоциональных реакций, «суждения» включают в себя ресурсы, используемые для оценки поведения в соответствии с различными нормативными принципами, «аппрециация» охватывает языковые ресурсы для описания ценности объектов/ситуаций, в том числе семиотической природы. Средства системы градуирования используются для интенсификации и деинтенсификации оценочности [Там же: 35—36].

Дж. Мартин и П. Уайт исходят из трактовки аппрециации и суждений как производных от аффектов, «как институционализованных чувств», основанных на ценностях, разделяемых данным сообществом [Там же: 45]. В терминах системы суждений индивидуальные эмоциональные реакции переосмысливаются как нормы и правила поведения. Средствами аппрециации чувства переосмысливаются в рамках общественных представлений о ценности и достоинстве различных объектов и явлений.

Анализируемый в данной работе текст транслирует дискурс «глобального антаго-

низма», ориентированный на актуализацию фрейма конфликта и оппозиции «свои» vs. «чужие» [См.: Чернявская, Молодыхенко 2014; Молодыхенко 2010, 2012]. В аксиологической перспективе анализ, представленный здесь, призван дать ответ на вопрос о том, насколько дискурс (как «видение мира») автора текста и его референтной группы будет допускать на то же самое дискурсивное пространство («порядок дискурса») иной — конкурирующий с ним за интерпретацию действительности — дискурс с соответствующей ценностной позицией.

Оппозиция «доминирование» vs. «допущение иной интерпретации» восходит к представлениям о диалогичности текста в самом широком смысле или так называемой радикальной модели интертекстуальности [См.: Чернявская 2009, 2013, 2014a]. Иными словами, речь идет о том, в какой степени в рассматриваемом тексте актуализированы «голоса других». С одной стороны, речь может идти о представленных и актуализированных в поверхностной структуре текста *конкретных* мнениях «других» — конкурирующих групп акторов. С другой стороны — об использовании для актуализации своей доминантной ценностной позиции языковых средств, допускающих тем не менее некоторое *потенциальное* пространство иных взглядов и интерпретаций.

Так, к примеру, Н. Фэркло рассматривает диалогичность текста как градуируемый континуум от наименее диалогичных репрезентаций до наиболее диалогичных [См.: Fairclough 2003]. Наиболее диалогичный полюс континуума демонстрируют случаи, когда «голоса», несущие иные интерпретации и ценностные позиции, представлены в тексте в виде маркированной интертекстуальности, например в форме прямой или косвенной цитации. Далее следуют утверждения, содержащие модус, «смягчающий» диктумную часть высказывания, посредством различных модальностей, потенциально открывающих пространство для иных интерпретаций. Менее ориентированной на диалогичность опцией будет простое категоричное утверждение. В наименьшей же степени диалогичным является введение в текст «голоса» доминантной группы как пресуппозиции, вовсе исключающей возможность диалога и отсекающей пространство иных интерпретаций.

Как одну из плоскостей системы языковой оценки рассматривают диалогичность Дж. Мартин и П. Уайт. Путем развертывания ресурсов системы «включения» (engagement) автор выстраивает свои отношения, с одной стороны, с ценностной позицией, выражен-

ной в тексте, с другой — с потенциальным адресатом. В диалогической перспективе это означает, что текст, выражающий некоторую ценностную позицию, так или иначе апеллирует к другим текстами на ту же самую тему и к ценностной позиции, зафиксированной в них. Следовательно, анализ развертывания средств включения позволяет эксплицировать два параметра. Во-первых, то, каким образом автор данного текста взаимодействует (*engages*) с другими авторами и их текстами (в том числе с убеждениями и допущениями об устройстве мира вообще). Во-вторых, с точки зрения адресности текста, закодированное в тексте представление об идеальном адресате и той ценностной позиции, к которой ему предлагается присоединиться (*is aligned into*).

Мы исходим из рабочей гипотезы о том, что базовым параметром анализируемой в работе «риторики превосходства» является текстовая актуализация фрейма конфликта [Ср.: Ferragi 2007]. В аксиологическом ключе реализованный в тексте фрейм конфликта видится двояким. Во-первых, с точки зрения того, как текст репрезентирует в лексико-грамматических структурах некоторый физический контекст, или — в терминах М. А. К. Хэллидея — «поле» (*field*). Иными словами, данный аспект анализа предполагает ответ на вопрос, **в чем заключается суть конфликта**, как в тексте репрезентированы его стороны и — в аксиологической перспективе — каково место ценностных ориентаций в этой репрезентации. Данный аспект анализа предполагает изучение лексико-грамматических средств выражения *идеационного содержания*.

Во-вторых, анализу подвергается то, как выражается ценностная позиция автора текста *по отношению к* «полю» конфликта. Здесь принципиален ответ на вопрос о том, насколько автор текста готов **допустить ценностную позицию второй стороны конфликта**, а с точки зрения адресности, — насколько безапелляционно потенциальному адресату предлагается войти в ценностную позицию автора и открывает ли текст (в самом широком смысле) пространство для альтернативного мнения / ценностной позиции. Этот аспект анализа предполагает изучение развертывания в тексте средств языковой оценки, т. е. *межличностного содержания*.

Анализ текстового материала показывает, что моделирование сторон конфликта в тексте осуществляется путем последовательного аккумуляирования текстовой семантики вокруг двух полюсов. Причем «центром» этих полюсов являются абстрактные идеи, а не конкретные акторы. Данное поло-

жение иллюстрируется анализом системы транзитивности в нескольких первых абзацах изучаемого текста, где в качестве актантов процессов выступают абстрактные сущности. Ср. использование лексемы *ideals* в первом предложении пятого абзаца, с которого начинается непосредственное структурирование поля конфликта:

And it was here in Europe, through centuries of struggle, through war and enlightenment, repression and revolution, that a particular set of ideals began to emerge...

Весьма показательно то, что автор начинает конструирование поля конфликта со вписывания его в непосредственный физический контекст (ср.: *and it was here in Europe*; речь произносится в Брюсселе для представителей ЕС и НАТО) — первый шаг для включения непосредственного адресата (Европы) в группу «своих».

Тематическая часть следующих предложений «подхватывает» того же абстрактного актора, обеспечивая дельнейшее текстовое конструирования «своего» полюса конфликта, ср.:

And those ideas eventually inspired a band of colonialists...

But those ideals have also been tested...

Таким же образом в тексте формируется и полюс «чужих», основным актором которого является абстрактная сущность: *Those ideals have often been threatened by older, more traditional view of power...* Ср.: *[goal] those ideals [process] have been threatened [agent] by view of power.*

Специфичность лексико-грамматического структурирования поля конфликта обнажает и тот факт, что абстрактные сущности фигурируют не только как актанты физических процессов, но и в семантической роли адресанта (*sayer*) вербальных процессов, свойственной одушевленному / наделенным интеллектом субъектам: *This alternative vision argues...*

Аналогичным образом абстрактные сущности (например, *vision*) через метафору (*roots itself*) могут быть источником «предикации идеи» (*idea clause*; ср.: *the notion that...*):

Often this alternative vision roots itself in the notion that by virtue of race or faith or ethnicity, some are inherently superior to others and that individual identity must be defined by us versus them, or that national greatness must flow not by what people stand for, but what they are against.

Основной фрейм конфликта, таким образом, структурируется взаимодействием абстрактных акторов, т. е. описывается как *конфликт идей и видений мира*, что, кстати,

достаточно прямолинейно иллюстрируется следующим высказыванием: *In so many ways, the history of Europe in the 20th century represented **the ongoing clash of these two sets of ideas**, both within nations and among nations.*

Помимо абстрактных актантов, в две противопоставленные в конфликте группы входят и конкретные акторы. Однако роль их следует охарактеризовать как второстепенную: действия данных акторов вписываются в готовую схему конфликта, полюса которого заданы идейным содержанием (*sets of ideas*). Например, идеалы группы «своих» лексико-грамматически иницируют процессы, в которых участвуют уже конкретные агенты: *And **[agent]** these ideas eventually **[process]** inspired a **[goal]** band of colonialist across an ocean...*

Следующее предложение «подхватывает» данных акторов в тематической части, где они уже сами выступают в агентивной роли: *...and **they [colonialist]** wrote them into the founding documents that still guide America today.*

Другим вариантом текстовой актуализации конкретных акторов, подчеркивающим их второстепенность по отношению к основным «действующим лицам» конфликта, является их функционирование в пределах предикаций, проецируемых лексемами со значением «идея» (основной актор), что демонстрирует использование лексемы *belief* как основного актора фрейма конфликта для проекции предикации идеи: *...the belief that through conscience and free will, **each of us has the right to live as we choose...***

Далее, обращает на себя внимание попытка автора вписать в заданную схему конфликта историческое прошлое: осуществляется как бы реконтекстуализация исторического опыта в новый дискурс (подробнее см.: [Чернявская, Молодыхенко 2014]). В текстовой реализации данной стратегии для группы «своих» и группы «чужих» наблюдается некоторая асимметрия. Так, акторы исторических действий, вписываемые в рамку «своих», конкретны. Вот один из многих примеров подобного рода: *...our ideals stirred the hearts of Hungarians, who sparked a revolution, Poles in their shipyards who stood in solidarity, Czechs who waged a Velvet Revolution without firing a shot, and East Berliners who marched past the guards and finally tore down that wall.*

В то же время исторические процессы, вписываемые в рамку «чужих», имеют в качестве одного или обоих актантов абстрактные сущности и/или номинализации, например:

...I was reminded of how war between peoples sent a generation to their deaths in the trenches and gas of the first world war.

...extreme nationalism plunged this continent into war once again...

Even here in Europe we've seen ethnic cleansing in the Balkans that shocked the conscience. The difficulties of integration and globalization ... strained the European project and stirred the rise of a politics that too often targets immigrants or gays or those who seem somehow different.

Другой вариант лексико-грамматической реализации — использование пассивных конструкций в предикациях с отсутствующим агентивным актантом: *And just two decades later, extreme nationalism plunged this continent into war once again, with populations enslaved and great cities reduced to rubble and tens of millions slaughtered, including those lost in the Holocaust.*

Такая специфическая текстовая реконтекстуализация исторического дискурса представляется тенденциозной. Ответственность за позитивно оцениваемые действия идейного лагеря «своих» несут конкретные акторы, в то время как негативные действия изображаются так, как если бы они происходили сами собой. Возможным объяснением такой лексико-грамматической реализации могла бы быть интенция автора соблюсти последовательность категоризации: группы акторов, входящие сейчас в рамку «своих», оказались бы при «правильной» лексико-грамматической реализации в лагере «чужих». С другой стороны, такая репрезентация создает прагматический фокус в развитии текстовой семантики (фрейма конфликта). Тот факт, что единственным неабстрактным актором рамки «чужого» является Россия (кроме одного примера, где в этой роли выступают террористы), позволяет произвести выдвигание данного смысла в тексте и создать необходимую кульминацию, о чем свидетельствует «вписывание» России в заданный предыдущим фрагментом текста фрейм конфликта: *And that's what's at stake in Ukraine today. Russia's leadership is challenging truths that only a few weeks ago seemed self-evident...*

Итак, поле конфликта, как показано выше, задается двумя полюсами идейного содержания, в которые вписываются исторические события, конкретные действия и группы лиц. В заданной аксиологической перспективе вопрос, однако, следует поставить несколько иначе, а именно: можно ли также утверждать, что данный конфликт в его текстовой репрезентации — это конфликт ценностей и ценностных позиций некоторых групп акторов? Мы склонны ответить на данный вопрос утвердительно. Впрочем, одной из основных лексем для но-

минации «своего» полюса конфликта является лексема “ideals”, отсылающая своей семантикой к «модели должного», т. е. к ценностям. Интересно в этой связи заметить, что группы полюса «чужих» текстуально не имеют «идеалов», так как данная лексема для номинации этого полюса не применяется: с точки зрения лексико-грамматической реализации идеалы/ценности могут быть только у «своих», но не у «чужих» (ср., например: *...we must meet the challenge to our ideals*). Во-вторых, для семантического наполнения полюса «своих», как это свойственно американскому президентскому дискурсу вообще, используются традиционные ключевые слова и выражения ценностного архива американской культуры (*conscience and free will, the right to live and choose, equal, trade and open markets, international law, democracy, human dignity* и т. д., и т. п.). Поскольку данные слова так или иначе фиксируют некоторые важные ценностные отношения, их текстуальный «захват» полем «своих» одновременно лишает всех этих ценностей группу «чужих». В-третьих, с точки зрения лексико-грамматического оформления идеалы и ценности группы «своих» являются «мотивообразующими» для входящих в группу акторов (ср.: *those ideas eventually inspired a band of colonialists...*). Данный факт обнаруживает явную параллель с психологическим представлением о ценностях.

В качестве перехода от рассмотрения поля конфликта к рассмотрению диалогичности в заявленном ранее смысле ответим на следующий вопрос. Как именно основные акторы (Россия и США) текстуально позиционируются по отношению к двум полюсам конфликта? Поскольку полюса конфликта задаются идейным содержанием, следует предположить, что в поверхностной структуре текста должны присутствовать маркеры того, что думают/считают/полагают вовлеченные в конфликт стороны. С точки зрения лексико-грамматических структур присоединение актора к определенному идейному содержанию реализуется путем его участия в вербальных или ментальных процессах. В этом плане в тексте вновь обнаруживается асимметрия. Мнение «своих» неоднократно реализуется в тексте через соответствующие вербальные или ментальные процессы, из которых становится ясно, что США (и охватываемые местоимением *we* акторы) идентифицируют себя с ценностной стороной «своих», ср.:

We embraced a shared vision of Europe, a vision based on representative democracy, individual rights, and a belief that nations can meet the interests of their citizens.

...we believe in democracy...

...we believe in human dignity...

Россия же не выступает актантом ментальных и вербальных процессов, т. е. в пространстве текста лишается права заявить о своем отношении (во всех смыслах) к полюсу «антиценностей»; *солидарность России с этим полюсом структурируется текстом как данность*.

Второй ракурс анализа связан с тем, как выражается ценностная позиция автора по отношению к содержанию текста в плане ее диалогичности. Для проекции в текстовые структуры позиции автора и стоящей за ним группы «своих» используются языковые средства оценки, преимущественно семантического поля «суждение» (*judgement* — по Дж. Мартину и П. Уайту), поскольку текст в первую очередь ориентирован на оценку противопоставленной группы акторов через их активность.

Одним из способов введения в текст такой оценки является использование таких номинаций процессов, при которых в семантике лексемы помимо дескриптивного содержания «встроена» оценочность, кодирующая отношение автора и, предположительно, его ценностную позицию. Так, в следующем примере для описания взаимодействия России с Украиной используется лексема с эмотивным компонентом (*to bully* — *use superior strength or influence to intimidate (someone), typically to force them to do something*), отражающим оценочное отношение автора к данному процессу: *...bigger nations can bully smaller ones to get their way*.

При анализе развертывания в тексте языковых средств системы оценки мы опираемся на два теоретических допущения. Во-первых, мы исходим из положения о так называемой мотивированности отбора языковых средств: выбор автором определенных языковых средств из всех возможно допустимых в данном контексте / синтагматической реализации представляется идеологически значимым. Во-вторых, мы исходим из представления о том, что путем анализа целостной системы языковых средств всего текста/корпуса возможно в определенной мере смоделировать «интенцию автора». В контексте представленных рассуждений такая «идеологическая значимость» и «интенция автора» рассматриваются как проекции некоторой ценностной позиции. Например, анализируя способы номинации активности России в данном тексте, можно смоделировать предположительное ценностное пространство, определяемое представлениями о справедливости и справедливых международных отношениях, ср.:

*And that's why Russia's **violation** of international law, its **assault** on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with **condemnation**...*

*Together, we've **condemned** Russia's **invasion** of Ukraine and **rejected** the legitimacy of the Crimean referendum. Together, we have isolated Russia politically, suspending it from the G-8 nations and downgrading our bilateral ties. Together, we are imposing costs through sanctions that have left a mark on Russia and those accountable for its actions.*

*But that doesn't mean that Russia can **run roughshod** over its neighbors. Just because Russia has a deep history with Ukraine does not mean it should be able to **dictate** Ukraine's future. No amount of **propaganda** can make right something that the world knows is wrong.*

В приведенных примерах обозначенная ценностная позиция проецируется номинациями процессов (*violation, assault, invasion, to run roughshod, to dictate, propaganda*) и предикатами «осуждения» (*condemnation, to condemn*). Более того, понимание системы оценки как системы семантики текста, способной развертываться на отрезках больших, чем предложение, позволяет говорить о проекции ценностной позиции и через идеационное содержание (все описываемые санкции по отношению к России — *isolated, suspended* и пр.). В этой связи примечательно развертывание средств системы суждения (*judgement*) с противоположной полярностью для описания активности Украины: *And meanwhile, the United States and our allies will continue to **support** the government of Ukraine as they chart a democratic course. Together, we are going to provide a **significant package of assistance** that can help stabilize the Ukrainian economy and meet the basic needs of the people.*

Таким образом, можно говорить о последовательной проекции одной и той же ценностной позиции США / группы своих: «помощь тем, кто в беде», «порицание тех, кто нарушает наши представления о справедливости, морали и пр.».

Ценностную позицию, определяемую понятиями «свобода», «мир», «свободный выбор» и прочими, очевидно, проецирует и оценка, выраженная в обстоятельстве *through brute force* процесса *achieve*:

*...the Russian people will recognize that they cannot achieve the security, prosperity and the status they seek **through brute force**.*

Таким образом, взгляд на целостную систему оценочности текста позволяет в определенной степени реконструировать заложенную автором рецептивную программу. В терминах

ценностных ориентаций можно говорить, что система средств оценки проецирует определенную ценностную позицию автора и стоящей за ним группы. Данная позиция, как представляется, определяется понятиями «свобода», «равенство», «уважение международного законодательства» и т. п.

С точки зрения диалогичности выражение ценностной позиции автора и его группы следует охарактеризовать как безапелляционное, не допускающее выражение ценностной позиции другой стороны конфликта. В лексико-грамматическом плане это реализуется несколькими способами.

Так, Россия фигурирует в роли актанта только в физических процессах (см. анализ примеров выше), номинации для которых демонстрируют определенную тенденциозность. Лишь в нескольких случаях Россия получает «право голоса» как актант вербальных процессов для аргументации своей позиции:

(1) *Russia's **justified** these actions as an effort to prevent problems on its own borders and to protect ethnic Russians inside Ukraine. **Of course**, there is no evidence, never has been, of systemic violence against ethnic Russians inside of Ukraine.*

(2) *Moreover, Russia **has pointed** to America's decision to go into Iraq as an example of Western hypocrisy.*

(3) *In defending its actions, Russian leaders have further **claimed** Kosovo as a precedent, an example, they say, of the West interfering in the affairs of a smaller country, just as they're doing now.*

(4) *So our approach stands in stark contrast to **the arguments** coming out of Russia these days. It is absurd to suggest, as a **steady drumbeat of Russian voices** do, that America is somehow conspiring with fascists inside of Ukraine but failing to respect the Russian people.*

Кажущаяся диалогичность, привносимая приведенными выше примерами, нивелируется, однако, способом их текстовой репрезентации. Во-первых, обращает на себя внимание использование глаголов, вводящих косвенную речь (*framers*), семантика которых явно проецирует ценностную позицию «своих», ср.:

- *to claim* — *state or assert that something is the case, **typically without providing evidence or proof*** (акцентирование смысла «голословно утверждать»);

- *justify* — *show or prove to be right or reasonable* (в контексте системы оценки всего текста вероятным прочтением будет «оправдываться»);

- *point* — *cite a fact or situation as evidence of something* (в данном контексте также пред-

положительно выражает (общую) негативную оценку).

Во-вторых, тенденциозным представляется способ формулирования «голоса» оппозиции: содержание высказываний не передается прямым цитированием или в косвенной речи, но «свернуто» в объект при вербальном процессе (*verbiage* в SFL), например: *justified these actions; claimed Kosovo; has pointed to America's decision*.

Дальнейшее содержание разъясняется в нефинитных предикациях (*an effort to prevent problems, the West interfering in the affairs of a smaller country*) или свернуто в номинализацию (*an example of Western hypocrisy*). И то и другое как бы «отдаляет» эти формулировки от того, что было сказано на самом деле, и позволяет *исключить текстовую актуализацию ценностной позиции другой стороны* (которую, по-видимому, можно было бы определить в оригинальных формулировках).

Обращает на себя внимание и лексико-грамматическое оформление пропозиции *America's decision to go into Iraq*: несмотря на то что это мнение должно принадлежать противоположной стороне конфликта, его формулировка в нейтральных, устранивающих оценочность терминах (*decision to go*; ср. возможные в данной синтагматической последовательности опции: *to invade, to wage a war, to assault* — и пр.) указывает на то, что оно также сформулировано с ценностной позиции «своих»: «мы действовали исходя из представлений о справедливости, свободе и т. п.».

Потенциальный диалогизм, вносимый в текст приведенными выше примерами, также нивелируется средствами конструирования потенциального адресата как однозначно разделяющего предлагаемую ценностную позицию и интерпретацию событий вообще, ср. использование *of course* в примере 1 выше.

Еще одним способом введения в текст «голоса» России является то, что можно в рабочем порядке назвать подразумеваемой атрибуцией, ср.: *And once again, we are confronted with the belief among some that bigger nations can bully smaller ones to get their way — that recycled maxim that might somehow makes right <sic>*.

Номинативная группа *belief among some* открывает пространство конкурирующего мнения (выраженного следующей далее предикацией проекции — *that bigger nations can bully smaller ones to get their way*), что теоретически должно расширять диалогичность текста. Однако такая диалогичность опять же нивелируется лексико-грамматиче-

ской реализацией с позиции «своих» (см. выше разбор семантики глагола *to bully*). При этом мнение приписывается некоторому внешнему голосу (ср.: *among some*), предположительно принадлежащему России.

Несмотря на обозначенные выше «псевдиdialogичные вкрапления», в плане допущения иной ценностной позиции — отличной от доминирующей — текст монологичен. Не случайно, как уже было указано выше, Россия преимущественно является актантом физических процессов. Более того, реализуются они либо в виде пресуппозиции, либо через номинализацию. Вкупе с рассмотренными выше средствами оценки такой способ формулирования делает проекцию ценностной позиции «своих» абсолютной; любое пространство для иной ценностной позиции отсекается. Ср. вынесение основного утверждения в нефинитную предикацию: *Russia has resisted diplomatic overtures, annexing Crimea and massing large forces along Ukraine's border*.

Аналогично, через номинализацию, определенная ситуация репрезентируется как прекоонструкт (термин П. Серियो):

Our borders are not threatened by Russia's annexion...

And that's why Russia's violation of international law, its assault on Ukraine's sovereignty and territorial integrity, must be met with condemnation...

We've condemned Russia's invasion of Ukraine and rejected the legitimacy of the Crimean referendum.

На данном этапе представляется возможным объединить разведенные ранее два ракурса анализа — структурирование поля конфликта и степень доминирования ценностной позиции автора. Моделирование потенциальной ценностной позиции автора, определившей отбор средств оценки, позволяет говорить о ее *содержательном сходстве* с идейным полюсом «своих» в поле конфликта. Анализ системы оценки, развертываемой в тексте, реконструирует ценностную позицию автора как определяемую через понятия «справедливость», «международные нормы», «свобода», «помощь слабым» и пр. Похожими понятиями определяется и «свой» полюс конфликта. В реализации фрейма конфликта обозначенные ценности выступают в роли «идеалов», способных действовать как самостоятельные сущности или мотивировать поведение конкретных акторов. При этом как с точки зрения структурирования поля конфликта, так и с точки зрения реализации авторской позиции группа «чужих» *не имеет права на обозначенные ценности*. В плане структурирования

поля конфликта полюс «чужих» наполняется идейным содержанием, актуализирующим антиценности; лексико-грамматически «чужие» не могут быть мотивированы идеалами. В плане доминирования авторской позиции «чужие» лишены «права голоса»; текст лишь репрезентирует их активность через призму «своей» ценностной позиции.

Мы допускаем, что прагматические соображения могут быть не единственной причиной описанных лексико-грамматических реализаций. Аналогичным образом мы полагаем, что не все подобные дискурсивные эффекты следует автоматически причислять к искажению действительности или манипуляции. Тем не менее выявляемые во время анализа устойчивые паттерны лексико-грамматической реализации позволяют усматривать в такой репрезентации определенную тенденциозность.

Думается, что вопрос тенденциозности следует рассматривать и более широко — исходя из традиции, закрепившейся в дискурс-анализе и философии социального конструкционизма, а именно как вопрос о (не)возможности объективного, независимого от интерпретации, описания какого-либо фрагмента мира вообще. Что же в таком случае первично — дискурсивное или недискурсивное, сам конфликт «как есть» или конфликт описания конфликта?

ИСТОЧНИКИ

1. *Full Transcript*: President Obama gives speech addressing Europe, Russia on March 26. URL: http://www.washingtonpost.com/world/transcript-president-obama-gives-speech-addressing-europe-russia-on-march-26/2014/03/26/07ae80ae-b503-11e3-b899-20667de76985_print.html. Accessed: 25.05.2014.

ЛИТЕРАТУРА

2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : Книжный дом «Либроком», 2014.

3. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. — СПб. : Наука, 2009.

4. Колианский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М. : КомКнига, 2010.

5. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. — М. : Смысл, 2003.

6. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов : коллективная моногр. — М. : Тезаурус, 2011.

7. Молодыхенко Е. Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингвопрагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2010.

8. Молодыхенко Е. Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 145—156.

9. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М. : Флинта : Наука, 2006.

10. Чернявская В. Е. Дискурс — «лидер продаж» или «распродажа дискурса» // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. 2012. № 3. С. 6—14.

11. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. — М. : URSS, 2014a.

12. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М. : Книжный дом «Либроком», 2009.

13. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. — М. : URSS, 2013.

14. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014б. № 1. С. 54—61.

15. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». — М. : Ленанд, 2014.

16. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. — London ; New York : Routledge, 2003.

17. Ferrari F. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a 'preventive war' persuasion strategy // *Discourse & Society*. 2007. Vol. 18 (5). Sage Publications, 2007. P. 603—625.

18. Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. *An Introduction to Functional Grammar*. — London : Hodder Education, 2004.

19. Lazar A., Lazar M. M. The discourse of the New World Order: 'out-casting' the double face of threat // *Discourse & Society*. 2004. Vol. 15 (2—3). Sage Publications, 2004. P. 223—242.

20. Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation, Appraisal in English*. — London ; New York : Palgrave Macmillan, 2005.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. Е. Чернявская.